

возникла и особая система правил — не регламентированных, не узаконенных теорией, как это было в литературе классицизма, но предполагающих их единое понимание у посвященных. Поэтому разговор автора с читателем — характерная особенность сентименталистской литературы — оказывался одной из форм проявления этой игры, требовавшей обязательного партнера. Внешне игра казалась общедоступной, и единственным требованием оставалось лишь одно, но весьма существенное: и автор, и читатель должны быть «чувствительными» людьми. Но здесь-то и начинались главные трудности, поскольку чувствительность могла быть истинной, а могла быть и ложной, кажущейся, буквально — наигранной.

Таким образом, в сентиментальной иронии следует различать разные ее типы — в зависимости от того, что является ее объектом: собственное чувство, чувство персонажа, которому автор симпатизирует, или фальсификация чувства со стороны другого, условно говоря, «участника игры» — либо персонажа, либо собрата по перу. Именно с этим последним типом связано ироническое изображение ложной чувствительности.

Уже в произведениях Карамзина начала 1790-х гг., знаменовавших расцвет нового направления, появляются персонажи, навязчиво выставляющие напоказ свои чувства и вызывающие откровенную иронию автора. Так, в «Письмах русского путешественника» (письма из Швейцарии) Карамзин рассказывает о своем знакомстве с датчанами — поэтом Й. Баггесеном и графом А. Г. Мольтке. «И тот, и другой, — замечает Карамзин, — любит аханье и восклицания. Граф бьет себя по лбу и стучит ногами, а поэт Баг * (Баггесен. — *Н. К.*) складывает руки крестом и смотрит на небо, когда Лафатер говорит о чем-нибудь с жаром».³ Иронический тон сопровождает все последующие упоминания об этих датчанах. «Романическая» история женитьбы Баггесена на Софии Галлер, описанная со слов его соотечественника Г. Беккера (образ которого нарисован с искренней теплотой), содержит даже элементы комизма. Узнав, что София — внучка знаменитого поэта А. Галлера, Баггесен «вспрыгнул от радости и побежал к ней снова рекомендоваться и уверять ее в своем неограниченном почтении к творениям покойного ее дедушки».⁴ Явившись с визитом в семью Софии, датчане одолевают ее родственников нетерпеливыми вопросами: «Скоро ли будет домой девица Галлер? скоро ли возвратится девица София? скоро ли увидим мы приятную нашу сопутницу?» С нескрываемой иронией автор имитирует этот восторженный тон: «Наконец пришла девица Галлер, возвратилась девица София; датчане увидели свою приятную сопутницу и не могли удержаться от радостного восклицания при ее входе».⁵

³ Московский журнал. 1791. Ч. 4, кн. 3. С. 321—322.

⁴ Там же. Ч. 6, кн. 2. С. 198.

⁵ Там же. С. 199.